© 1999 г.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О БОСПОРСКОЙ КРЕПОСТИ КУТЛАК – АФИНЕОНЕ (?) ПСЕВДО-АРРИАНА*

Городище, некогда являвшееся мощной античной крепостью, находится в Юго-Восточном Крыму, в 60 км юго-западнее Феодосии, на западном отроге г. Караул-Оба у Кутлакской бухты, отстоящей на 4 км к юго-востоку от с. Веселое и на 4 км к западу от пос. Новый Свет зоны г. Судак (рис. 1). С южной стороны плато с укреплением, расположенное в 170 м от берега моря, ограничено крутым (60–80°) прибрежным обрывом около 70 м высотой, с западной – краем оврага и склоном холма такой же крутизны. С востока и севера укрепление в древности было легко доступно. В настоящее время здесь вырыты котлованы до 20 м глубиной под фундаменты зданий строящегося санатория.

Памятник был обнаружен в 1982 г. и впервые исследован в 1983 г. И.А. Барановым. В 1984 г. он изучался Е.А. Паршиной[1]. В 1990 г. сотрудниками Судакской горной контрольно-спасательной службы на городище проведены консервационные работы. С 1991 г. раскопки ведутся под руководством автора[2]. В результате их была почти полностью установлена планировка фортификационной системы и примыкающей к ней внутрикрепостной застройки (рис. 1, 2). Укрепление пятиугольной формы, с четырьмя башнями и бастионом по углам, его площадь – около 1,5 тыс. м^2, периметр обороны – около 200 м. Толщина культурного слоя, состоящего из сплошного каменного завала с коричневой глиной, достигает 3,5–4 м. На уровнях древней дневной поверхности и несохранившихся полов вторых этажей башен открыт археологический материал, представленный разнообразной гончарной и лепной посудой. Последняя преобладает и имеет в основном облик, не характерный для Крыма (возможно гето-дакийский). Стратиграфия культурного слоя и хронология находок свидетельствуют о том, что памятник является закрытым комплексом второй половины I в. до н.э. – I в. н.э.

Каких-либо узкодатируемых групп археологического материала пока не обнаружено. Тарная посуда в основном состоит из широкогорлых светлоглиняных (разных оттенков) и красноглиняных амфор с двуствольными ручками, а также нескольких коричневоглиняных, возможно колхидских, амфор, имеющих конические ножки с характерным технологическим завитком изнутри. Несколько странно, что отсутствует косская (последние три четверти I в. до н.э.) и книдская (рубеж эр) тара, целый ряд типов широкогорлых светлоглиняных амфор, достаточно распространенных в античном Северном Причерноморье[3]. Вместе с тем малочисленность типов тары, обнаруженной на памятнике, в определенной степени свидетельствует всего о нескольких партиях ее поступлений, а следовательно, об общей относительной кратковременности поставок посуды и непродолжительности существования крепости.

Показательным для выяснения нижней даты памятника является факт отсутствия

---

* Статья написана на основе доклада «Западный пограничный форт Боспорского царства на рубеже эр», прочитанного автором 9 марта 1996 г. на Международном конгрессе «Греки на Черном море» в Салониках. В нее внесены дополнения и уточнения: больше внимания уделено хронологии и исторической интерпретации памятника, изменен ряд элементов в эскизах объемных реконструкций крепости, расширен иллюстративный материал. Окончательный вариант статьи выполнен в рамках проекта «Историческая география античного Причерноморья», поддержанного РФФИ. Код проекта № 96-06-80.053.

[1] *Паршина Е.А.* Раскопки Кутлакской экспедиции // АО 1984 г. М., 1986. С. 288 сл.

[2] *Баранов И.А., Ланцов С.Б.* Исследования Кутлакской крепости в Юго-Восточном Крыму // Археологічні дослідження на Україні в 1991 року. Луцьк, 1993. С. 7–8; *Ланцов С.Б.* Изучение Кутлакского укрепления в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования в Крыму 1993 года. Симферополь, 1994. С. 180–183.

[3] Библиографию см. *Абрамов А.П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. № 3. С. 44 сл.

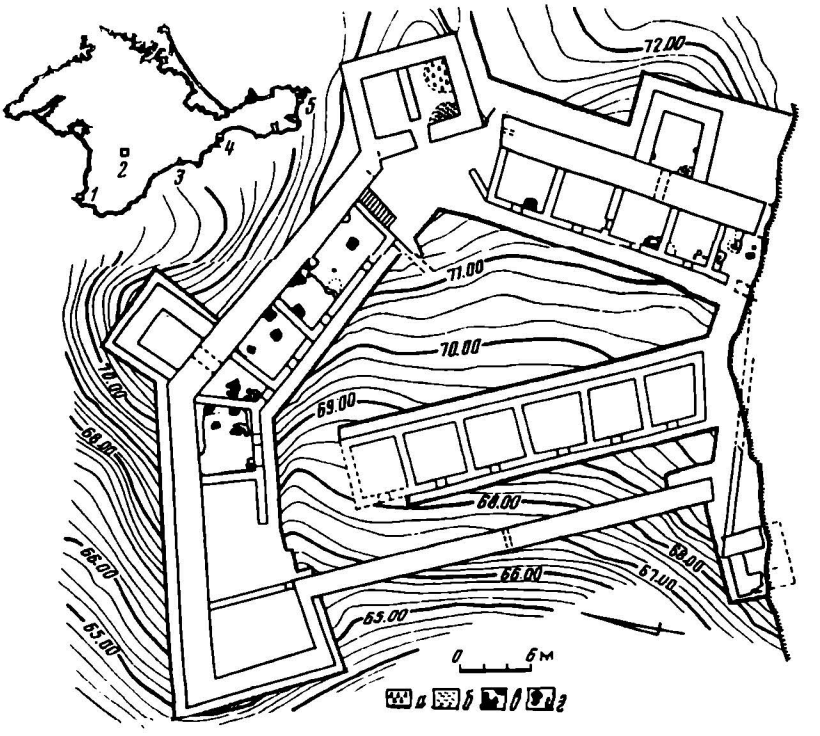

Рис. 1. Место расположения в Крыму Кутлакской крепости (Афинеон?) и ее схематический план: *1* – Херсонес, *2* – Неаполь Скифский, *3* – Афинеон (?), *4* – Феодосия, *5* – Пантикапей; *а* – шамот, *б* – зола, *в* – следы обожженности, *г* – сырцово-каменные конструкции

Рис. 2. Общий вид на Кутлакскую крепость с востока сверху, с горы Караул-Оба

здесь фрагментов поздней родосской тары (начало I в. до н.э.) и сейсмических нарушений (даже трещин в стенах). Последние наверняка бы присутствовали, если бы крепость была отстроена раньше мощнейшего «боспорского» землетрясения 63 г. до н.э. Датирующими признаками служат в первую очередь широкогорлые светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками и фаллической ножкой, а также разнообразная краснолаковая керамика. Первые обычно датируются I веком до н.э. – I веком н.э. Обнаруженные экземпляры относятся исключительно к наиболее раннему варианту (С Ia по С.Ю. Внукову), широко датируемому второй четвертью I в. до н.э. – началом I в. н.э.[4] Петрографический анализ глины указанной тары, проведенный С.Ю. Внуковым, показал, что она гераклейского производства. Из этого следует, что в Северное Причерноморье она могла попасть около середины I в. до н.э. – только после восстановления города и его экономики после римского разгрома 70 г. до н.э.

Уникальны для памятника обнаруженные единичные находки фрагментов светлоглиняных широкогорлых амфор со сложнопрофилированными ручками типа С IIIа по С.Ю. Внукову[5], такие использовались с начала последней четверти I в. до н.э. до середины I в. н.э. Учитывая исключительно редкую встречаемость подобных сосудов, можно предположить, что их появление на городище относится ко времени не позднее рубежа эр – первой четверти I в. Они позволяют уточнить верхнюю дату существования крепости. Тары более позднего времени, такой, как широкогорлые светлоглиняные амфоры типа С Iб (по С.Ю. Внукову – вторая четверть I – рубеж I–II вв.) и узкогорлые светлоглиняные амфоры типа А, появляющиеся, судя по статьям Д.Б. Шелова и И.С. Каменецкого, в конце первой трети I в. н.э.[6], в Кутлакской крепости нет. В Танаис последние из указанных сосудов начали поступать, очевидно, несколько раньше. Здесь они даже встречаются в одних закрытых комплексах с широкогорлыми светлоглиняными амфорами с двуствольными ручками[7]. Может быть, правы исследователи, считающие, что ранние узкогорлые светлоглиняные амфоры бытуют начиная с конца I в. до н.э.[8] Таким образом, хронологический диапазон существования крепости не превышал 50–70 лет – с середины I в. до н.э. по первые десятилетия I в. Вся краснолаковая керамика найдена рядом с охарактеризованными амфорами и, судя по аналогиям, синхронна им.

К настоящему времени получены почти исчерпывающие представления об остатках оборонительных сооружений Кутлакского укрепления. Его фортификационная система ориентирована по продольной оси север – юг и обращена вершиной тупого угла к востоку. Как представляется, форт был построен достаточно быстро по единому предварительному проекту. Однако его сооружение велось поэтапно. Сначала были возведены восточная башня и все крепостные стены, образующие в северо-западном углу башенный выступ (бастион) (рис. 1). После завершения формирования контура оборонительной линии к ней пристроены северная и юго-восточная башни и застроена огороженная стенами территория. В последнюю очередь появляются юго-западная башня и каменный забор, ограничивающий укрепление с юга (см. ниже).

Крепостные стены сложены в относительно регулярной технике из хорошо подогнанных рваных по слою блоков и плит сланца и песчаника в два панциря с забутовкой

---

[4] *Внуков С.Ю.* Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // ВДИ. 1988. № 3. С. 198–206; *он же.* Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. дис... канд. ист. наук. М. 1988. 22 с.

[5] *Он же.* Широкогорлые светлоглиняные амфоры... С. 199. Рис. 1, *14*; с. 204; *он же.* Светлоглиняные амфоры... С. 18.

[6] *Каменецкий И.С.* Светлоглиняные амфоры с Нижнегниловского городища // КСИА. 1963. № 94. С. 29–36; *Шелов Д.Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 16–21.

[7] *Коровина А.К., Шелов Д.Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956–1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 29; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 161.

[8] Библиографию см. *Абрамов.* Ук. соч. С. 45 сл.

из мелких камней на глине. Сохранившаяся высота достигает 3 м. Углы крепости и башен, а также откосы стен выложены преимущественно наиболее крупными блоками. Подошвы оборонительных стен на полностью изученных участках повторяют первоначальный, порой достаточно развитый, рельеф местности, не подвергавшийся предварительной нивелировке. Это обычно свидетельствует либо о недостатке строительных навыков, либо о поспешности строительства. Второе в данном случае несомненно вернее. Следует учесть, что форт возводился в местности, населенной потомками легендарных тавров, отличавшихся, по оценке древних авторов, исключительной кровожадностью. Они были пиратами, грабителями, убийцами, каннибалами и т.п.[9]

В центре восточной линии обороны и в юго-западном углу укрепления располагаются два проема шириной до 1,5 м, предназначенные, очевидно, для пешего прохода и проезда вьючных животных. Широких ворот, через которые прошла бы повозка, нет, хотя они предусматривались по первоначальному проекту в юго-западном углу форта (рис. 1). Въезд предполагался с северо-западной стороны. Ширина этих ворот – 2,6 м[10]. Их могли использовать для транспортировки камня внутрь крепости во время ее жилой и хозяйственной застройки. Однако вскоре к западному пилону ворот пристраивается юго-западная береговая башня, а сами они перегораживаются южной оградой крепости – таким образом возникает юго-западная калитка.

Протяженность восточной ломаной линии обороны, состоящей из трех башен, куртин и узких ворот, достигала 70 м, не считая фланговых стен башен. Ширина северо-восточной куртины 2,6–2,7 м, восточной – до 2,8 м. Юго-восточная (рис. 1–3) и северная башни (рис. 1, 2) соответственно размерами 6,5 × 6 и 6,25 × 6,1 м пристроены к восточной и северо-восточной куртинам; ширина их стен 1,4–1,6 м. Наиболее крупная – восточная башня, расположенная справа от восточного входа в крепость (рис. 1, 2, 4). Она ориентирована углами по сторонам света, двухкамерная. Ее размеры 10,7 × 8,28 м при толщине фронтальной и тыльной стен 1,8 и 1,7 м, а фланговых – 1,6 м. Кладки относительно регулярные, однорядные, трехслойные, из колотого по слою сланца, высотой до 2,64 м от уровня пола. Подошвы стен в основном опираются на скальный пол. Отдельные же кладки возведены на ленточном фундаменте. Вероятно, башня сохранилась до второго этажа, поскольку ее стены выше уровня пародоса примыкающей к ней северо-восточной куртины более чем на 0,5 м (до 0,7 м).

Наружные углы башни сложены из крупных блоков колотого сланца и природных, сланцевых и песчаниковых, валунов. Целиком пока раскрыт лишь юго-западный угол, где выявлен подпятник для дверного косяка (рис. 1, 4). Его местоположение, а также размещение продольного паза для крепления полотна запора в противоположном южном откосе ворот указывают на то, что дверь шириной не более 1,5 м была одностворчатой и открывалась наружу против часовой стрелки (рис. 1).

Площадь каждой из камер – 3,2 × 4,8 м, ширина двухслойной однорядной перегородки между ними – 0,9 м. Проем трапециевидной в плане формы, шириной от 1,1 до 1,5 м, располагался в центре тыльной стены напротив перегородки башни. От входа он расширялся и вел сразу в два помещения таким образом, что ширина проходов непосредственно в камеры была 0,55 и 0,65 м. Такая конструкция входа значительно осложняла взятие башни, даже если бы она подверглась индивидуальному штурму. В этой связи важно и то, что первый и второй этажи не имели между собой лестничного сообщения (см. ниже).

В наружных стенах башни на высоте 1–1,2 м обнаружены продольные и поперечные ригели «фахверковой» конструкции, соединенные между собой деревянными шипами, вставляемыми в четырехугольные пазы. Следует отметить, что термин «фахверк», заимствованный мною у В.П. Толстикова, весьма условно характеризует дере-

---

[9] *Herod.* IV. 103; *Strabo.* VII. 4.2; *Diod.* IV. 43.5 и др.

[10] Их ориентация и ширина такие же, как и у ворот I в. до н.э. в Фанагории: см. *Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1989. С. 83.

Рис. 3. Юго-восточная башня. Вид с севера

Рис. 4. Вид на восточную башню с юга

вянные конструкции крепостных сооружений Кутлакского форта и так называемых «батареек» Фанталовского укрепленного района на азиатском Боспоре. Фахверк – это каркас, состоящий из продольных и поперечных ригелей, стоек и всевозможных раскосов. Однако двух последних элементов внутристенных связей в указанных памятниках нет.

Противоосадочные бревенчатые можжевеловые пояса, возможно служившие и антисейсмическим целям, прослежены повсюду в оборонительной линии Кутлакской

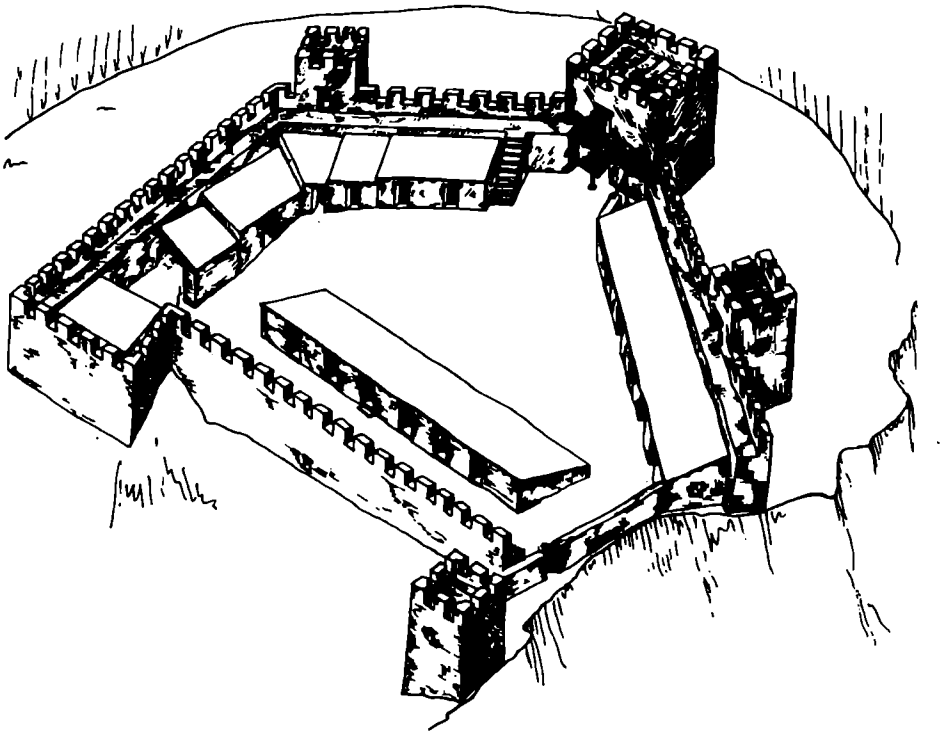

Рис. 5. Кутлакская крепость. Эскиз реконструкции. Вид с юго-запада

крепости и отличаются порой исключительной для Крыма сохранностью. Один из образцов был обработан П.И. Канихольмом в лаборатории эгейской дендрохронологии Корнельского университета. Предложенная дата (106 г. до н.э.) несколько не совпадает с моими выводами. Это связано, как представляется, во-первых, с отсутствием дендрохронологической шкалы для конкретного региона, во-вторых, с единичностью образца, в-третьих, с малым содержанием в стволе годичных колец (20). Вероятность некоторой неточности в определении, обусловленной перечисленными причинами, отмечает и сам П.И. Канихольм. Однако не исключено, что при дальнейших исследованиях будут обнаружены новые экземпляры древесины, пригодные для соответствующей обработки, а также археологический материал, что позволит установить абсолютную дату возведения крепости.

Обе камеры первого этажа башни имели хозяйственное назначение. В углах правой юго-восточной камеры найдены горки красноглиняного шамота и золы (рис. 1). По всей видимости, это запасы сырья для изготовления лепной посуды, в большом количестве обнаруженной на городище и содержащей в тесте вышеупомянутый шамот.

В помещениях первого этажа нет лестницы, ведущей на верх башни. Исходя из планировки рядом расположенного узла фортификационной системы, вход на второй этаж, вероятно, осуществлялся с боевого хода (пародос) через деревянный перекидной мостик (икрия). Этот мост должен был также соединять восточную и северо-восточную куртины. Иначе невозможно было бы передвигаться по всему периметру обороны и попадать на второй этаж юго-восточной башни (рис. 5, 6).

На стенах привратной восточной башни в двух местах выявлены простейшие безлитерные граффити, состоящие из ровных и кривых линий, что свидетельствует о неграмотности солдат и, наряду с преобладанием на поселении лепной посуды, об их варварском происхождении. Находки с пола немногочисленны. Особый интерес представляют предметы вооружения – железные топор, наконечники крупных стрел, ве-

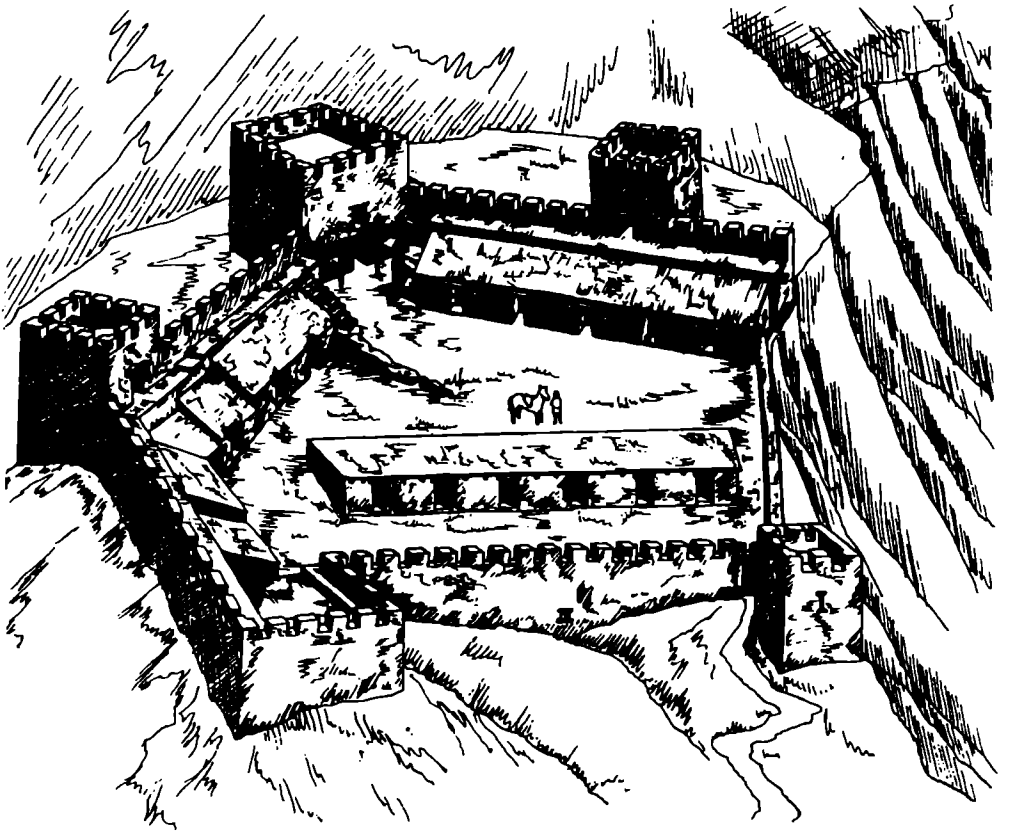

Рис. 6. Кутлакская крепость. Эскиз реконструкции. Вид с северо-запада

роятно для баллисты, песчаниковые и галечные ядра для пращи и метательных машин. В крепости уже собрано около 700 таких снарядов весом от 100 г до 3 кг. Находки наиболее крупных из них локализуются в башнях и бастионе (рис. 1–6), где скорее всего и размещались орудия.

Длина сохранившейся части восточной куртины – 22,15 м от ворот до обрыва, обвал которого уничтожил восточную часть южной куртины крепости. Северо-восточная куртина (длиной 19 м) соединяет восточную и северную башни. Северная куртина (шириной 2,5–2,65 м, длиной 25,75 м по наружному фасаду и 22,5 м по внутреннему) своим западным концом образует северную стену северо-западного трапециевидного в плане бастиона. Длина наружных фасадов его фронтальной западной и фланговой южной стен – соответственно 13 и 5,75 м, при ширине 1,75 и 1–1,25 м. Внутренние размеры бастиона в меридиональном и широтном направлениях соответственно 8,7 (7,3) × 5 (4,9) м. Он отгорожен от крепостной территории узкой стеной, толщиной 0,5–0,75 м, имеющей с юга дверной проем шириной 0,8 м.

Западная куртина (шириной 1,5–1,7 м и длиной 34 м) протянулась между бастионом и расположенной в юго-западном углу форта калиткой. В центральной части куртины обнаружено квадратное отверстие ливневой канализации размерами 0,4 × 0,5 м (рис. 1, 5, 6). Калитка ограничена с юга береговой оградой толщиной 0,6 м, сохранившейся лишь частично на участке длиной 10 м. К западному торцу последней была пристроена небольшая башня, разрушенная в результате оползней и осыпи склона. Длина сохранившейся северной стены 3,2 м, ширина – 1,4 м. От западной и восточной стен остались лишь участки длиной соответственно 2,45 и 3,7 м, шириной 1,5 и 1,7 м, южная кладка полностью обрушилась. Однако план указанной юго-западной береговой

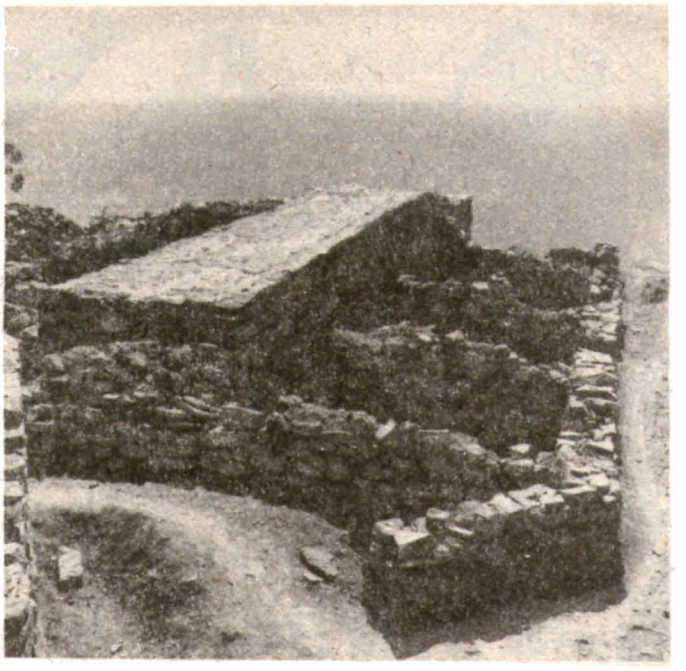

Рис. 7. Вид с севера на восточные куртину и казарму крепости

башенки, исходя из принципа симметрии, легко реконструируется (рис. 1). Она прикрывала вход в крепость, служивший, вероятно, патерной для вылазок, а также прикрывала ведущую к нему тропу от бухты и источника пресной воды в долине. Кроме того, башня, очевидно, была маяком.

Обращает на себя внимание зависимость между мощностью обороны и локальными особенностями рельефа местности (рис. 1). Толщина западной куртины, расположенной на вершине крутого склона, равняется 1,6 м. Северная же куртина и восточная линии обороны, снаружи от которых находится более пологий горный рельеф, укреплены в фортификационном отношении значительно сильнее, а их толщина почти вдвое превышает западную куртину. Вместе с тем толщина южной ограды крепости, расположенной на отвесном береговом обрыве, составляет всего 60 см. Отмеченные различия, безусловно, связаны с невозможностью использовать стенобитные орудия с юга и запада.

Внутрикрепостная застройка Кутлакского форта пока раскрыта частично, только вдоль оборонительной линии. Здесь полностью изучены строительные остатки четырех домов и часть площади перед восточными «воротами» с расположенной на ней лестницей, ведущей на боевой ход северо-восточной куртины (рис. 1, 5, 6).

Вдоль восточной и западной куртин обнаружены две близкие к прямоугольным каменные постройки из одного ряда помещений почти стандартных размеров, имеющих изолированные входы, шириной 0,8–1,1 м, и сырцово-каменные очаги и печи. Толщина стен, сложенных в технике, аналогичной крепостной, равняется 0,56–0,7 м. В качестве кровли всех построек использовались скрепленные глинистым раствором тонкие (5–20 см) сланцевые плиты, скопления которых вместе с рухнувшими балками перекрытий открыты на глинобитных полах помещений. Данные сооружения интерпретируются как воинские казармы.

Открытая в 1984 г. казарма размерами 31,55 × 5,7 (5,6) м, расположенная параллельно западной куртине на расстоянии 4–4,5 м от нее, состоит из шести помещений (4,2–5,0 × 4,2 [4, 3] м), имеющих входы со стороны улицы между постройкой и

Рис. 8. Вид с юга на северо-восточные куртину и дом крепостя

крепостной стеной[11]. Вторая казарма (раскопана в 1991–1993 гг.), пристроенная к восточной куртине, площадью 24 × 4,65 (4,7) м, состоит из пяти помещений (приблизительно 4×4 м) (рис. 1, 5–7). Четыре помещения казармы были, по-видимому, жилыми. В одном из них, помимо обычного входа с запада, обнаружен дверной проем, который вел сквозь куртину в юго-восточную башню. Этот вход шириной 1 м, перекрытый можжевеловыми балками, сохранился во всю высоту (1,6 м) — [illegible] уникальный для наземных античных построек Причерноморья. В крайнем южном помещении, находящемся у обрыва, была железоплавильная мастерская. Здесь впервые в Крыму найдены остатки трех простейших сырцово-каменных горнов, каменный ящик, заполненный окисью железа, фрагменты крицы, шлак и сырье, которым служили местные железистые конкреции. К северу от упомянутой казармы раскрыта двухслойная стена толщиной 0,55 м, пристроенная к северо-западному углу здания и наискось перегораживающая, наподобие протейхизмы, прямой проход в крепость (рис. 1, 5–7). Скорее всего она служила составной частью «каменного мешка» и защищала от обстрела противником.

Третье здание пристроено к северо-восточной куртине и расположено вдоль нее почти во всю длину (рис. 1, 5–6, 8–9). Постройка двухкамерная, прямоугольная в плане, общими размерами 16,97 × 4,6 (4,45) м. Двухслойные однорядные сланцевые стены толщиной от 0,58 до 0,7 м раскрыты на первоначальную высоту до 3 м от глинобитного пола до современного, сохранившегося на уровне боевого хода, верха куртины. В фасадной юго-западной стене зафиксированы три дверных проема с порогами, шириной от 0,8 до 1,15 м. Два из них вели в одно большое помещение, возможно общественного характера (размеры 12 × 4,6 м). С северо-западной стороны к нему пристроено помещение размерами 4,97 × 4,5 м.

В обеих комнатах обнаружены открытые прямоугольные сырцовые жаровни и очаги. Складывается впечатление, что в этом доме изготовляли лепную лощеную посуду. Помимо двух десятков крупных практически целых сосудов (некоторые из них стояли в очагах), здесь найдено пять лощил из морской гальки, сланца, кремня и амфорной ручки.

[11] *Паршина.* Ук. соч.

Рис. 9. Вид с северо-запада на северо-восточный дом крепости и восточное помещение северного дома (на переднем плане)

С северо-западной стороны вышеописанного здания был пристроен еще один дом (площадью около 90 м^2), большей частью расположенный вдоль северной куртины. Он, по-видимому, состоит из трех помещений, но пока исследован лишь частично (рис. 1, 5–6). Юго-восточное жилое помещение, в силу того что оно было размещено у внутреннего угла, образованного северо-восточной и северной куртинами, имеет форму неправильной трапеции, ориентированной вершиной на юго-запад (рис. 1, 9). Его размеры: 3,75 (1,6) м (северо-запад – юго-восток) × 4 м (северо-восток – юго-запад), 4,75 м (север – юг). В помещении два проема. Один ведет в него с юго-запада (ширина 1 м), другой – из него сквозь северо-восточную куртину в северную башню форта. Последний, шириной 0,85 м, сохранился на первоначальную высоту (1,43 м). Вторая комната дома – тоже жилая, внутренними размерами: 5,7 (4,9) м (запад – восток) × 4,2 (3,9) м (север – юг). Она в древности была оштукатурена коричневоглиняным раствором и побелена известью. Третье, крайнее западное помещение осталось недоисследованным.

Перед восточным входом в крепость открыт участок обширной площади. Она с юга и севера ограничена соответственно восточной казармой и северо-восточным домом, находящимися на расстоянии 12,2 м друг от друга, а с востока – воротами и привратной башней. Вблизи последней было зафиксировано значительное скопление плохо сохранившейся древесины, бревен и брусьев, вероятно, от рухнувшего перекидного моста – икрии. Западная граница площади пока не обнаружена, поскольку ее территория простирается в глубь форта за пределы раскопа.

На площади выявлена каменная лестница (рис. 1, 5, 6, 8). Она расположена продольно наружному фасаду юго-восточной боковой стены северо-восточного дома, а также примыкает перпендикулярно к северо-восточной куртине. Лестница сложена на глине в основном из колотого по слою сланца, уложенного преимущественно плашмя. Ее длина 3,67 м, высота 1,6 м, ширина от 1,3 м внизу до 1,45 м вверху. Из десяти ступеней сохранилось девять – шириной от 0,23 до 0,4 м, высотой от 0,17 до 0,31 м. Они вели на пародос, находящийся на высоте 1,96 м от основания лестницы. Исходя из этого высота куртины с парапетом в данном месте могла быть около 4 м относительно внутрикрепостной поверхности. Небольшая высота лестницы и боевого

прохода северо-восточной куртины обусловлена выбором места для их строительства на естественной возвышенности, по-видимому, для того, чтобы сократить затраты труда и стройматериала, а также облегчить и ускорить подъем на оборонительную стену. Однако стены на других участках фортификационной системы, в зависимости от рельефа местности, могли достигать 6 м.

На ступенях лестницы обнаружены ядра для метания пращой или рукой. Особенности сохранности лестницы, находки на ней метательных снарядов, наряду с отсутствием в крепости слоя пожара, свидетельствуют об одновременности оставления и разрушения форта. Только таким образом ядра, видимо, хранившиеся на боевой площадке близстоящей башни, могли попасть на лестницу, рассыпаться по ней и остаться под развалом стен.

Центральная часть крепости еще не исследовалась. Судя по визуально прослеживаемым кладкам, здесь тоже размещались постройки. Кроме того, тут должны находиться крупные искусственные емкости, возможно цистерны, для сбора пресной воды, поскольку в форте и в непосредственной близости от него отсутствуют источники.

Полученные к настоящему времени результаты позволяют предложить предварительные эскизы целостной реконструкции крепости, за исключением ее центральной части (рис. 5, 6). Установлено, что постройки в крепости были одноэтажными (высотой около 3 м) и имели односкатную кровлю, крытую тонкими сланцевыми плитами. Первоначальная высота оборонительных стен с парапетом варьировалась от 4 до 6 м. Что касается высоты башен, то они, видимо, были как минимум вдвое выше куртин. О наличии второго этажа свидетельствует их сохранность, в ряде случаев выше уровня пародоса, а также находки в верхней части культурного слоя башен обрушившихся очагов и керамики, синхронной керамике, обнаруженной на полах, т.е. упавших со второго этажа в момент единовременного разрушения крепости. Следует учесть, что при раскопках других зданий вещевой материал встречается исключительно на полах. Башни вряд ли имели более двух этажей. Этот вывод основан на расчете общего объема культурного слоя памятника, целиком состоящего из камней одновременно разрушенной крепости и глины, некогда скреплявшей стены.

По видимому, останется неясным, как оформлялся верх оборонительных стен и были ли перекрыты башни. Парапет мог иметь зубцы и бойницы, быть гладким и т.д. Пока мы отдаем предпочтение первому варианту, поскольку подобные завершения городских стен изображены на реверсах пантикапейских сестерциев конца I – начала II в.[12] Очень условно, из-за незавершенности полевых исследований, реконструирован вид бастиона и примыкающего к нему участка северного дома.

Ряд элементов фортификационной и в целом строительной техники Кутлакской крепости, таких, как укрепление углов и откосов крупными блоками, регулярность кладок, разнотипность фундаментов, использование бревенчатых конструкций при возведении башен и куртин, наличие ливневой канализации, сооружение стены наподобие протейхизмы, перегораживающей восточный въезд в крепость, наряду с продуманностью выбора места для размещения форта и его планировочного решения, свидетельствуют о значительном профессионализме военного инженера, руководившего строительством. Наличие построек казарменного типа позволяет предполагать регулярность воинского контингента гарнизона. Таким образом, крепость не могла принадлежать ни поздним скифам, ни таврам. Она принадлежала Боспору.

Численность гарнизона крепости составляла предположительно около 100 человек (исходя из расчета необходимости размещения одного обороняющегося на 2 м оборонительной линии). Кроме того, для выяснения численности гарнизона учтены площадь и функции помещений (жилое, общественное, хозяйственное) и вероятная этажность зданий. Военнослужащие, по-видимому, были боспорскими наемниками, скорее всего из среды варваров некрымского происхождения, судя по лепной керамике (см. выше), возможно, фракийцев. Однако полностью не исключено, что они

[12] *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Табл. 14. № 381; 18, № 461.

могли набираться и из варварского населения в окрестностях Феодосии, наиболее близко расположенной к крепости. К сожалению, о сельской округе Феодосии пока почти ничего не известно.

Установленная традиционным в археологии сравнительно-типологическим методом нижняя относительная хронологическая граница существования памятника соответствует как времени правления на Боспоре Фарнака II (прибл. 63–47 гг. до н.э.), так и начальному периоду правления Асандра (прибл. 47–17 гг. до н.э.). Однако возникновение крепости при первом мало вероятно. В 47 г. до н.э. он, потерпев поражения от римлян в битве при Зеле, высадился с морским десантом скорее всего вблизи Феодосии и с какими-то скифами и сарматами захватил ее и Пантикапей (App. Mithr. 120). Если верно определен район высадки десанта, то, по всей вероятности, Кутлакского форта еще не было. В противном случае он, как и Феодосия, наверняка был бы взят, что нашло бы отражение в археологических материалах. Вряд ли Фарнак мог основать этот пункт и в ходе усмирения мятежного Боспора. Перед ним стояли куда более неотложные задачи – в первую очередь подчинить отпавший Пантикапей. Возведение же крепости требовало определенного времени, в течение которого можно было утратить стратегическую инициативу. Не мог он и оставить для строительства укрепления даже небольшую часть своего сравнительно малочисленного войска.

Представляется более вероятным, что возведение крепости следует связывать со строительной деятельностью боспорского правителя Асандра. Период его правления отличался относительной стабильностью, благоприятствовавшей успешному проведению на Боспоре крупных долговременных фортификационных работ. При нем сооружается грандиозный оборонительный рубеж – Асандров вал (Strabo. VII. 4. 6), восстанавливается цитадель Пантикапея, создаются многочисленные укрепления в европейской и азиатской частях государства[13]. Приступить к выполнению столь широкой фортификационной программы Асандр мог не раньше конца 45 – начала 44 г. до н.э., только после окончания вооруженной борьбы с Фарнаком II и ставленником Рима на боспорский престол Митридатом VII Пергамским[14]. Именно к этому времени, судя по находкам ауреусов Гая Юлия Цезаря, относится перестройка пантикапейской цитадели[15]. Скорее всего это было одним из первых мероприятий Асандра по усилению обороноспособности государства, а периферийные пограничные укрепления, в том числе и Кутлакская крепость, были отстроены вряд ли раньше столичных.

Наиболее близкие и как будто синхронные планировочные аналогии Кутлаку прослеживаются в так называемых «батарейках» на Фанталовском полуострове и особенно в известной, но недостаточно изученной крепости Батарейка II[16]. Однако эти аналогии в большей степени функциональные. Все «батарейки» азиатской стороны, а также Кутлакское и другие укрепленные поселения европейской части Боспора – это небольшие крепости в оборонительной системе государства, принадлежавшие, вероятно, царской хоре. Однако в их планировке, не говоря о множестве конструктивных особенностей, имеются существенные различия. Так, например, в

---

[13] См. *Сапрыкин С.Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже эр // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 83 сл.; *он же.* Понтийское царство. М., 1996. С. 270–277; *Масленников А.А.* О типологии сельских поселений Боспора // СА. 1989. № 2. С. 74–76; *Толстиков В.П.* Неизвестные страницы Боспорского царства // СГМИИ. 1992. № 10. С. 90.

[14] Bell. Alex. 78; *Strabo.* XI. 2. 17; XIII. 4. 3; *App.* Mithr. 120, 121; *Dio Cass.* XLII. 9. 46. См. *Сапрыкин С.Ю.* Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 2. С. 54; *он же.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 206 сл.

[15] *Толстиков В.П.* О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. № 7. С. 46, 51. Рис. 15; *он же.* Неизвестные страницы... С. 60.

[16] См. *Сокольский Н.И.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967. № 109. С. 108–115; *Сапрыкин С.Ю.* Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 70–75; *он же.* Понтийское царство. С. 276 сл., 281; *Толстиков В.П.* Фанталовский укрепленный район в истории Боспорского царства // Археологія. 1989. № 1. С. 52–65; *он же.* Неизвестные страницы... С. 41–65.

исследуемом мной укреплении все башни и бастион находятся снаружи оборонительных стен, а не заглублены в них, как в «батарейках». Попытки же найти параллели в фортификации Эшерского городища и Вани в Восточном Причерноморье митридатовской эпохи, на мой взгляд, вовсе несостоятельны[17].

Форт был построен в соответствии с общими нормами античной эллинской фортификации. Подобные укрепления, в определенной степени копирующие ранние персидские образцы, появляются в Греции с VI в. до н.э. и продолжают возводиться, судя по публикуемому памятнику, до конца эллинизма. К VI в. до н.э. относится постройка Бурунчука в Эолии, с квадратными, в том числе и двухкамерными башнями. Похожа планировка обороны форта Филе в Аттике и южной цитадели второй половины III в. до н.э. города Гортиса в Аркадии[18]. В последней, помимо трех квадратных башен, имеются и три прямоугольных бастиона, аналогичных кутлакскому. Также достаточно близки Кутлаку, несмотря на наличие круглых башен, общая планировка, возможно продиктованная сходством рельефа, и размеры расположенного в Родопских горах современной греческой Фракии форта Калива, построенного Филиппом II Македонским около 340 г. до н.э.[19]

Сооружение крепости в Кутлакской бухте было, вероятно, вызвано стремлением Боспора контролировать населявших окрестности тавро-скифов, наблюдать за передвижением по Новосветовскому горному перевалу, единственно возможному здесь для преодоления на колесном транспорте, и за каботажным плаванием по маршруту: города Боспора – Херсонес Таврический. Возведение форта, возможно, как-то связано и с противодействием морскому разбою варваров. Об активности флота Асандра в борьбе с пиратами косвенно свидетельствуют эпиграфические (КБН. 30) и нумизматические материалы[20]. Любопытно, что гора, на западном отроге которой расположен указанный археологический памятник, называется Караул-Оба (Караульная гора). С нее прекрасно видно все побережье Юго-Восточного Крыма от мыса Меганом до горы Аю-Даг, где имеются удобные для пиратских стоянок маленькие бухты. Наличие, характер, размеры подтесок на скальной вершине Караул-Обы и находки у ее подножия позднеэллинистической керамики позволяют очень осторожно предполагать возможность размещения здесь сторожевой башни, связанной с Кутлакской крепостью.

Что касается основной функции укрепления в военно-административной системе Боспора, то оно, очевидно, являлось φρούριον или τεῖχος на западной границе царской хоры. В нем располагался гарнизон царских войск, возглавляемый фрурархом, предназначенный для контроля за окрестной территорией и сбора налогов с населения. Из сообщения Страбона (XII. 3. 28; 39. 41) известно об основании Митридатом VI Евпатором 75 подобных крепостей в ряде областей Понтийского царства. Ближайшие из сменивших его правителей Боспора сохранили и упрочили заложенную им государственную систему управления[21].

В конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. крепость в Кутлакской бухте была превращена в руины и в дальнейшем не восстанавливалась, а ее гарнизон выведен. Были унесены все ценные вещи, в том числе и оружие, остались только лепные и крупные гончарные сосуды, простая кухонная и столовая посуда, а также разбитая в суматохе сборов тонкостенная краснолаковая керамика. Следов штурма или насильственного захвата крепости при раскопках не зафиксировано. Она либо была сдана без боя, либо воинский контингент по каким-то причинам был из нее эвакуирован. Разрушение (или разборка) построек укрепления было, очевидно, вызвано стремлением

---

[17] Ср. *Паршина*. Ук. соч.; *Сапрыкин*. Понтийское царство. С. 273, 286.

[18] *Winters F.E.* Greek Fortifications. Toronto – London, 1971. P. 42 f., 146 f., 152 f.

[19] Τριαντάφυλλος Δ. Ανασκαφές στο φρουρίο της καλύβας // Το αρχαιολογικό έργο στη Μακεδονία και Θράκη. 1988. 2. Αρ. 445, σχ. 2. *Bakirtzis Ch., Triantaphyllos D., etc.* Thrace. Athens, 1990. P. 25 f.; *iidem*. Thrace. Athens, 1994. P. 92–94.

[20] Библиографию см. *Сапрыкин*. Митридатовские традиции... С. 79; *он же*. Уникальный статер... С. 206.

[21] *Он же*. Понтийское царство. С. 225, 227 сл., 234–236, 246, 285.

воспрепятствовать возможности оказания здесь сопротивления в будущем. Кто разрушил стены – защитники или захватчики – неизвестно. Подобные ситуации уже неоднократно предполагались для боспорских центров. Считается, что Фарнак приказал разобрать оборонительные сооружения Фанагории, Полемон – разрушить крепостные стены Танаиса, а неизвестный противник в начале II в., несмотря на отсутствие сопротивления, уничтожил целую группу крепостей Фанталовского укрепленного района[22].

В связи с неопределенностью абсолютной даты прекращения существования форта его не удается уверенно связать с конкретным событием из бурной политической и военной истории Боспора указанного времени. Это могло произойти как в ходе длительной борьбы Асандра в начале последней четверти I в. до н.э. с оппозицией, возглавляемой Скрибонием[23], так и явиться одним из следствий многочисленных разгромов боспорских городов и поселений, учиненных Полемоном I в 14–8 гг. до н.э.[24] Учитывая масштабность развернутых им военных действий, зафиксированных различными источниками, я больше склоняюсь ко второму варианту. В пользу этого как будто свидетельствуют, с одной стороны, присутствие на городище широкогорлой светлоглиняной тары со сложнопрофилированными ручками типа С IIIа, известной с начала последней четверти I в. до н.э., а с другой стороны, отсутствие ранних узкогорлых светлоглиняных амфор, появившихся по современным определениям в самом конце I в. до н.э. Однако, поскольку существующий в настоящее время разброс в датировках возникновения последнего из указанных типов керамики составляет порядка 30 лет (см. выше), не исключено, что прекращение жизни в крепости относится к периоду правления на Боспоре Аспурга (прибл. 8 – 37/38 гг.). Как известно, в 14 г., когда он находился в Риме с целью получения признания сенатом законности его прав на престол, на Боспоре, скорее всего в его европейской части, возник мятеж. По возвращении царя в 15 г. этот мятеж был быстро подавлен[25]. Так что Кутлакское укрепление могло быть ликвидировано и в результате карательных действий Аспурга, предпринятых для ослабления постоянных сепаратистских устремлений Феодосии, из всех боспорских городов ближе всего расположенной к Кутлаку и, естественно, поддерживавшей связь с последним. Возможно, подразделение Кутлакской крепости формировалось и укомплектовывалось в Феодосии. Оттуда же, скорее всего морским путем, поступало снабжение.

На месте укрепления считаю возможным, опираясь на сообщения Арриана и анонимного автора V в. [Arr. Peripl. Pont. 30; Anon. Peripl. Pont. 76(50); 78(52); 82(56)], предположительно локализовать Афинеон (рис. 1). Не сомневаюсь, что информация обоих периплов исходит из одного источника. Арриан, упоминая побережье от Феодосии до Херсонеса, сообщает: «Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифотавров». В более позднем перипле приведено и название пункта: «От Феодосии до пустынной гавани Афинеона или гавани скифо-тавров 200 стадиев (26,6 мили); здесь спокойная стоянка для кораблей». В зависимости от того, стадием какой величины – от короткого «эратосфенова» в 157,7 м до длинного «царского» в 210 м – пользоваться при расчетах, это расстояние будет составлять от 32 до 42 км. В зависимости от маршрута плавания, на таком расстоянии от Феодосии находятся современные поселки Курортное и Коктебель[26].

Однако почти 200 лет поисков в этих местах не увенчались обнаружением не

---

[22] См. *Цветаева Г.А.* Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 235; *Шелов.* Танаис... С. 227–229; *Толстиков.* Неизвестные страницы... С. 57–59.

[23] См. *Сапрыкин.* Уникальный статер... С. 210 сл.

[24] См. *Шелов.* Танаис... С. 226–236; *Масленников А.А.* Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. № 6. С. 158–167; *Сапрыкин.* Понтийское царство. С. 316–319.

[25] *Блаватская Т.В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 200; *она же.* Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 36.

[26] Ср. *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 14 сл., 111 сл., 118.

только античного поселения, но и отдельных находок, датирующихся временем до начала второй трети II в., т.е. ранее экспедиции Арриана. В анонимном источнике указана также протяженность береговой линии Таврического полуострова от Афинеона до Калос-Лимена в 2600 стадиев, или 346,6 римских миль, т.е. не менее 410 км. Эта информация еще менее ценна для локализации искомого пункта, но во всяком случае не противоречит возможности его расположения между Феодосией и Лампадой [Arr. Peripl. Pont. 30; Anon. Peripl. Pont. 78 (52)].

Ряд исследователей считал, что Афинеон следует искать на территории средневековой Сугдеи (совр. г. Судак)[27], но до сих пор здесь не выявлены ни слой, ни постройки античного времени. Ознакомление de visu с материалами фондов Судакского заповедника и Судакской экспедиции Крымского филиала Института археологии НАН Украины показало, что в Судаке найдена лишь одна вещь, относящаяся к рубежу нашей эры, – бронзовая накладка на некое крупное изделие, в виде женской головы. В музее есть и две-три фрагментированные светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками I в. до н.э. – I в. н.э., но они обнаружены на морском дне, т.е. попали туда в результате кораблекрушений. Здесь же в фондах хранится и несколько целых ионийских и аттических чернолаковых сосудов позднеклассического и раннеэллинистического времени. Они происходят, судя по записи в книге поступлений, из могильника, уничтоженного при строительстве санатория «Львовский железнодорожник» в Уютненской долине г. Судак. Однако эта информация вызывает серьезные сомнения. Так, начальник Судакской экспедиции И.А. Баранов, постоянно наблюдавший за ходом земляных работ в долине, убежден, что античная керамика привезена в музей с Керченского полуострова.

В окрестностях Судака, в его долине и поселке Новый Свет, найдены соответственно клад в основном боспорских монет IV–II вв. до н.э. и боспорский статер архонта Гигиенота последней четверти III в. до н.э. Эти материалы в некоторой степени свидетельствуют о вхождении района г. Судак в боспорские владения уже в эллинистическое время. Еще два клада из этого района состоят из позднебоспорских и римских монет[28]. Ко второй половине II–III в. относятся и два памятника лапидарной эпиграфики из Судака[29].

Учитывая вышеизложенное, очевидно, что Кутлакская крепость, хотя и находится в 60 км от Феодосии, а не в 32–42 км, как у Арриана, является единственным известным античным пунктом на побережье Юго-Восточного Крыма, существовавшим до составления периплов Понта Эвксинского. Других синхронных поселений между Феодосией и Кутлаком не обнаружено. Примечательно, что в анонимном перипле Феодосия и Афинеон названы тоже рядом. Стоящий на высоком береговом обрыве форт должен был быть хорошо виден с корабля и служил прекрасным ориентиром для каботажного плавания, достойным упоминания мореплавателя. В приведенных выше письменных источниках отмечается покинутость, пустынность Афинеона. Это хорошо согласуется с результатами раскопок памятника. Ко времени Арриана крепость уже была заброшена и разрушена, хотя ее руины, учитывая нынешнюю сохранность объекта, могли выглядеть весьма внушительно.

Оба перипла называют Афинеон скифо-таврским, а Аноним сообщает, что от него «до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский Боспор» [Anon. Peripl. Pont. 76 (50)]. Это, вероятно, нужно понимать так, что пункт располагался в скифо-таврской земле, на границе между которой и Боспором и находится памятник. В данной связи

---

[27] *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 67; *Шульц П.Н.* О судакском кладе боспорских монет, найденном в 1959 г., и о местоположении Афинеона // СА. 1961. № 4. С. 293; *Качарава Д.Д., Квирквелия Г.Т.* Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 35 сл.

[28] *Казаманова Л.И.* Клад монет IV–II вв. до н.э. из Судака // ВДИ. 1963. № 4. С. 144–151; *Голенко К.В.* Находка монет у подножия горы Аю-Даг // НЭ. 1964. IV. С. 144.

[29] КБН. 954; *Саприкін С.Ю., Баранов І.А.* Грецький напис із Судака // Археологія. 1995. № 2. С. 137–140.

примечательно, что античные авторы некоторые древнегреческие города Северного Причерноморья называли скифскими, например, таким образом охарактеризовал Керкинитиду Гекатей Милетский (Fr. 153), очевидно, подразумевая территорию, а не этнокультурную принадлежность. Переводчики периплов определяют Афинеон как гавань или порт. Однако слово «гавань» присуще составным названиям многих эллинских апойкий, расположенных у бухт. Так, на западном побережье Крыма находился город Калос-Лимен. Просто населенные пункты именовались по уже существующим названиям бухт.

Местонахождение крепости Афинеон (?) столь далеко к западу от определяемых в настоящее время границ Боспорского царства позволяет поставить вопросы о пересмотре представлений о величине территориальных владений государства на рубеже эр и о необходимости разработки новой схемы его пространственного развития[30].

Существует мнение о том, что Афинеон якобы являлся одной из афинских колоний, выведенных на Боспор в ходе Понтийской экспедиции Перикла в третьей четверти V в. до н.э. Однако в источнике об этом морском походе нет даже упоминания о посещении Боспора (Plut. Per. 20). Сходство же в теофорных названиях величайшего города Эллады и весьма скромного пункта на юге Крыма, упомянутого всего лишь одним античным автором, не может служить аргументом в пользу наличия связи между ними. На кавказском побережье Черного моря находился еще один городок Афины, сравнительно хорошо отраженный в письменных источниках, который не следует путать с Афинеоном или торопиться объявлять афинской апойкией[31].

С.Б. Ланцов

SOME BRIEF INFORMATION ON THE BOSPORIAN FORTRESS KUTLAK – ATHENAEON (?) OF PSEUDO-ARRIAN

S.B. Lantsov

The article introduces a little-known ancient site situated on the coast of South-eastern Crimea, near the town of Sudak. Its location does not coincide with any territories of Hellenistic colonies. It is one-layered, with perfectly preserved stone buildings. Curtains are sometimes preserved right to the military passway, towers – up to the second floor level, houses – to that of the ceiling cover. At the present time about 80% of the fortress (circa 1,500 m^2) is excavated. Also, the planning of the fortification system and the adjoining buildings inside the fortress are almost completely revealed; this enables us to suggest a sketch of a volumetric reconstruction of the fort.

Important data for the study of ancient military engineering have been obtained. The chronology of the fort and its belonging to the Cimmerian Bosporus are now ascertained. The erection of the fortress itself is connected with the building activities of the Bosporian ruler Asander (47–17 B.C.), while the end of its existence cannot belong to a period later than that of the ruler Aspurgos (8–37/38 A.D.) It was probably built to control the coastwise navigation and the Tauro-Scythians inhabiting the neighbouring areas, as well as to increase the efficiency of the struggle with barbarian naval piracy. There were about 100 persons in the garrison – mercenaries of still unknown barbarian origin. Supposedly, this place was later occupied by the Athenaeon, mentioned by Arrian (2 nd cent. A.D.) and an anonymous author of the 5th cent. A.D. The problem of revising the Bosporus Kingdom territory size at the edge of eras is also brought up.

[30] О западной границе Боспора см. *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время М., 1966. С. 10–12.

[31] См. *Сибирский А.А.* Боспорский город Стратоклея и новая монета синдов // Труды III Археологического съезда. Киев, 1878. С. 121–125; *Брашинский И.Б.* Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. 1958. № 3. С. 118; *Качарава, Квирквелия.* Ук. соч. С. 36.